

ШЕДЕВРЫ УЖАСА В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

ГОВАРД ФИЛЛИПС
ЛАВКРАФТ

БЕСТИАРИЙ

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ЭНРИКЕ АЛЬКАТЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

*«Самой старой и сильной среди
эмоций рода людского является
страх, а древнейшей и сильнейшей
разновидностью страха является
страх перед неизвестным».*

*Г. Ф. Лавкрафт
Сверхъестественный ужас
в литературе*

Оглавление

<i>Хастур</i>	6
<i>Пингвины-альбиносы</i>	8
<i>Заугнар Фаугн</i>	15
<i>Пзаттогуа</i>	18
<i>Упыри</i>	21
<i>Каги</i>	26
<i>Дагон</i>	36
<i>Мог-Сотот</i>	40
<i>Шогготы</i>	47
<i>Ногные мверзи</i>	53
<i>Ран-Мегот</i>	56
<i>Старцы</i>	58
<i>Потомки Ктулху</i>	66
<i>Великая Раса</i>	69
<i>Рыболягушки</i>	73
<i>Трибы с Юггота</i>	78
<i>Ньярлатхотеп</i>	85
<i>Азатот</i>	88
<i>Шаб-Ниггурат</i>	90
<i>Лунные жабы</i>	92
<i>Полуполипсы</i>	95
<i>Ктулху</i>	98

Хастур

Шепчущий во тьме

1930

Страницы письма пестрели именами и названиями, которые мне уже приходилось слышать в связи с таинственными событиями седой старины. Он упомянул Юггот, Великого Ктулху, Тзаттогуа, Йог-Сотота, Р'лайх, Ньярлатхотепа, Азатот, Хастура, Йана, Ленга, озеро Хали, Бетмуру, Желтый Знак, Л'мур-Катулоса, Брана и Магнум Инноминандум. Все они исчезли в безднах минувших тысячелетий, их поглотили бескрайние просторы иных, древних миров, о которых смутно подозревал лишь безумный автор «Некрономикона». Экли поведал мне, как заструились первые родники, как они слились в потоки и как из этих потоков возникли реки и моря — источники жизни на Земле.

A
l
c
a
t
e
r
n
a

Пингвины-альбиносы

Хребты безумия

1931

Наверное, многие сочтут нас бездушными и, конечно же, не вполне нормальными, но и после этой жуткой находки мы продолжали думать о северном туннеле, хотя, уверяю, мысль о дальнейшем путешествии на какое-то время оставила нас, вытесненная другими размышлениями. Закрыв тело Гедни брезентом, мы стояли над ним в глубокой задумчивости, из которой нас вывели непонятные звуки — первые услышанные с того момента, как мы покинули улицы города, где слабо шелестел ветер, спускаясь со своих заоблачных высот. Очень земные и хорошо знакомые нам звуки были настолько неожиданны в этом мире пагубы и смерти, что, опрокидывая все наши представления о космической гармонии, ошеломили

нас сильнее, чем это сделали бы самые невероятные звучания и шумы.

Услышь мы загадочные и громкие трубные звуки, мы удивились бы меньше — результаты проведенного Лейком вскрытия подготовили нас к чему-то в этом роде, более того, наша болезненная фантазия после кровавой резни в лагере вынуждала нас чуть ли не в каждом завывании ветра чувствовать недоброе. Ничего другого не приходилось ожидать от этого дьявольского края вечной смерти. Здесь приличествовали кладбищенские, унылые песни канувших в прошлое эпох. Но услышанные нами звуки разом сняли с нас умопомрачение, в которое мы впали, уже и мысли не допуская, что в глубине антарктического континента может существовать хоть какая-то нормальная жизнь. То, что мы слышали, вовсе не исходило от захороненной в незапамятные времена дьявольской твари, разбуженной полярным солнцем, приласкавшим ее дубленую кожу. Нет, существо, издавшее этот крик, было до смешного заурядным созданием, к которому мы привыкли еще в плавании, недалеко от Земли Виктории, и на нашей базе в заливе Мак-Мердо; его мы никак не ожидали встретить здесь. Короче — этот резкий, пронзительный крик принадлежал пингвину.

Он доносился откуда-то снизу — как раз напротив коридора, которым мы только что шли, то есть со стороны проложенного к морской пучине туннеля. Присутствие в этом давно уже безжизненном мире

животного, не способного существовать без воды, наводило на вполне определенные предположения, но прежде всего хотелось убедиться в реальности крика — а вдруг нам просто послышалось? Он, однако, повторился и даже умножился — орали уже в несколько глоток. Пойдя на звуки, мы вошли в арку, которую, видно, только недавно расчистили от завалов. Оставив дневной свет позади, мы возобновили нашу возню с клочками, тем более что позаимствовали, хоть и не без брезгливости, изрядную толику бумаги из тюка на саях.

Вскоре лед сменился открытой почвой, состоящей преимущественно из обломков детрита, — на ней явственно виднелись следы непонятного происхождения, как если бы что-то тащили, а раз Денфорт заметил очень четкий отпечаток, но о нем не стоит распространяться.

Мы шли на крик пингвинов, что соответствовало направлению, в котором, как говорили нам и карта, и компас, находился вход в северный туннель; коридор, ведущий туда, к счастью, не был засыпан. Согласно плану, туннель шел из подвала большой пирамидальной конструкции, на которую мы обратили внимание еще во время полета над городом, — она сохранилась лучше многих других построек. Освещая путь единственным фонариком, мы видели, что нас и тут продолжают сопровождать барельефы, но теперь нам было не до них.